

М. А. Солощева

ССЫЛКА ДАЛАЙ-ЛАМЫ VII 1728–1735 годов: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена исследованию одного из важнейших событий в жизни Далай-ламы VII Кэлсанга Гьяцо (1708–1757). В 1728 г. он покинул Лхасу по указу императора Юнчжэна и был поселен в местности Гартар (кит. Тайнин) в Восточном Тибете под охраной китайских войск. Император опасался, что в условиях нестабильности в Тибете, которая вылилась в реальную междоусобную войну в 1727–1728 гг., джунгары могут вмешаться в тибетские дела и даже вывести Далай-ламу к себе. На решение императора также повлияли действия Соднама Даргье, отца Далай-ламы, который установил родственные связи как с кукунорскими хошутами, поднявшими антицинское восстание в 1723–1724 гг., так и с правящей тибетской аристократией. Согласно ряду источников, именно отец Далай-ламы стоял за разжиганием междоусобного конфликта 1727–1728 гг. в Тибете. В 1734 г. император принял решение разрешить Далай-ламе вернуться в Тибет. Однако Далай-лама не должен был вмешиваться в дела светского правления, а его отцу было позволено приезжать в Лхасу лишь один раз в год. Так начался непродолжительный новый период в истории Тибета, когда светская и религиозная власть были разделены. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: Тибет, Соднам Даргье, Далай-лама, Кэлсанга Гьяцо, ссылка, Юнчжэн, Юньли, Полханэ.

THE REASONS BEHIND THE SEVENTH DALAI LAMA'S EXILE IN 1728–1735 AND ITS CONSEQUENCES

M. A. Soloshcheva

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In accordance with the order of the Yongzheng Emperor (r. 1723–1735) in 1728, the Seventh Dalai Lama Kelzang Gyatso (1708–1757) left Lhasa for the Garthar Monastery in Eastern Tibet where he was placed under the guard of Chinese troops. The emperor feared that the instability in Tibet which led to the Civil war of 1727–1728 the Dzungars could interfere and even kidnap young Dalai Lama. The emperor was also suspicious of the activities of the Dalai Lama's father Sonam Dargye who was much involved in the disturbing events which led to the Civil war of 1727–1728. Also, he established matrimonial ties with the rebellious leaders of the Khoshut Mongols as well as with Tibetan aristocrats. In 1734 the emperor allowed the Dalai Lama to return to Tibet. However, he was not allowed to interfere into the matters of the state while his father was permitted to visit Lhasa only once a year. Thus, it was a beginning of a short-lasting period of the separation between temporal and spiritual powers. Refs 15.

Keywords: Tibet, Sonam Dargye, Dalai Lama, Kelzang Gyatso, exile, Yongzheng, Yunli, Polhanas.

Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо (1708–1757) покинул Лхасу в 1728 г. по указу императора Юнчжэна (правл. 1723–1725) и был поселен в местности Гартар (кит. Тайнин), которая находилась в восточно-тибетской области Литан (совр. пров. Сычуань). В этом событии нашла отражение новая политика империи Цин в отношении Тибета, начавшаяся после первого ввода маньчжурских войск в Лхасу в 1720 г. Ключевой фигурой в этой политике стала фигура духовного лидера Тибета, от влияния которого зависела расстановка сил во всем регионе.

В 1727–1728 гг. нестабильная ситуация в Тибете вылилась в вооруженное противостояние тибетских феодалов, пришедших к власти после водворения на престоле Далай-ламы VII в 1720 г. при помощи объединенной маньчжурско-монгольско-китайской армии. После вывода войск из Тибета по повелению Юнчжэна, 5 августа 1727 г. назначенный императором первый министр Канчэннэ был убит в Лхасе другими министрами — Нгабопа, Люмпанэ и Чжаранэ. Полханэ (1689–1747), сторонник Канчэннэ, был предупрежден о грозящей ему опасности и бежал в Нгари. Оттуда, предварительно отправив императору донесение с отчетом о своих действиях, обвинениями в адрес Далай-ламы и его отца в организации убийства Канчэннэ и просьбой о военном вмешательстве, он начал военные действия против министров [1, с. 9–12].

Что же касается позиции императора, то его в первую очередь интересовал вопрос участия в заговоре джунгаров — главного геополитического соперника империи Цин. В императорском указе от 21 октября 1727 г. об этом сказано: «Ранее <...> мне докладывали об убийстве Канчэннэ, и, опасаясь того, что Цеван Рабтэн¹ воспользуется этим, чтобы осуществить свои намерения о вторжении в Тибет, [я] приказывал привести все войска на территории от Шэньси до Сычуани и Юньнани в боевую готовность до минутной надобности, чтобы его предупредить. Сейчас то, что Канчэннэ был убит, свидетельствует о проблемах во взаимопонимании между калонами², и эта маленькая проблема, что они друг с другом борются, не требует военного вмешательства, поэтому пусть войска остаются на месте, вмешиваться не нужно» [2, р. 318]. В другом указе император более подробно изложил суть проблемы: «То, что был убит назначенный мною бэйсэ Канчэннэ, является делом государственным, и я сам должен в нем разобраться. Но я не разбираюсь в этом внешнем вопросе с тибетцами: обменивались ли они письмами с Цеваном Рабтэном? Если они были связаны с Цеваном Рабтэном, то необходимо эти две проблемы (тибетскую и джунгарскую. — М. С.) обсуждать одновременно. Если это только тибетское происшествие, я полагаю, тогда можно использовать этот случай для того, чтобы четко решить тибетский вопрос, имея в виду перспективные планы на приграничные земли. Когда [мы будем] выдвигать войска, не следует это делать заметно, нужно сделать это неожиданно, перевезти Далай-ламу в Синин, и тогда в Тибете надолго воцарится спокойствие. А если Цеван имеет к этому отношение, на этот случай нужно направить человека в помощь, чтобы он поддерживал Тибет, тогда моя армия сначала уничтожит непосредственно гнездо, и этим положит ему конец. А потом, когда с Цеваном будет покончено, тогда с Тибетом будет управиться легче простого» [3, р. 97]. Так, назвав ранее выяснения отношений калонов друг с другом «маленькой проблемой», император подошел к мысли о том, что, «имея в виду перспективы», этой ситуацией необходимо воспользоваться для «умиротворения» Тибета, даже если джунгары к делу не причастны. Из этого письма также становится понятно, что идея перемещения Далай-ламы возникала у императора именно в связи с джунгарским вопросом. Причем решение о его отправке за пределы Тибета было принято еще до окончания междоусобного конфликта.

Далай-лама был ключевой фигурой в тибетско-монгольской политике империи, поэтому его фигуре Юнчжэн уделял особое внимание. Император присталь-

¹ Правитель Джунгарии в 1697–1727 гг.

² Министрами (тиб. bka' blon).

но следил и за семьей духовного лидера Тибета, так как у него были родственные связи с кукунорским князем Лобсаном Дандзином, поднявшим антицинский мятеж в 1723–1724 гг.³ Начав разбираться в семейных делах Кэлсанга Гьяцо, император выяснил, что его отец Соднам Даргье обеспечил сына родственными связями как с кукунорскими хошутами, так и с правящей тибетской аристократией.

После восстания Лобсана Дандзина, в котором активную роль сыграли буддийские монастыри Кукунора, император настороженно относился ко всем ламам в целом. Что же касается Далай-ламы, то к нему он проявлял особый интерес еще и потому, что в детстве духовный лидер Тибета был помещен в монастырь Кумбум в Синине, где находился под покровительством кукунорских князей. В 1723 г. этот монастырь поддержал восстание Лобсана Дандзина, и Далай-лама неоднократно писал императору послания с просьбой о снисхождении к мятежнику. Кроме того, как выяснил генерал Нянь Гэнъяо (1679–1726) — главный информатор и проводник политики императора в Цинхае и Тибете в 1723–1725 гг., у семьи Далай-ламы обнаружилось родственные связи с восставшими, и поэтому он поддерживал связи с кукунорскими монголами и им симпатизировал. Об этом генерал сообщил императору в одном из своих донесений, относящемся, по-видимому, к весне 1724 г.:

Никогда нельзя доверять тибетцам. Характер их рода жадный, подозрительный, слабый и лживый. Я уже более 10 лет команду войском провинции Шэньси. В Цинхае и Тибете все с презрением относятся к внутреннему (китайскому. — М. С.) духу. Когда Лобсан Дандзин поднял восстание, а Канчэннэ, Нгабопа и др. не хотели, чтобы царем Тибета стал Дандзин, тогда, в соответствии с духом тибетцев, все не верили, что моя армия обязательно убьет разбойника. Так как [они] увидели, что Чжоу Ин и Орай⁴ уже прибыли в Тибет и с трудом при помощи военной силы стали контролировать слухи, затаили в своих сердцах большой страх. Далай-лама отправил ко мне посланника, чтобы я был снисходительнее к Лобсану Дандзину, даже два раза об этом просил. Это — взгляд сидящего на двух стульях (комментарий Юнчжэна: 1. Согласен, 2. Монахи не разбираются в серьезных делах, это их извинение. Наверное, все эти монахи одного поля ягоды с теми, кто распускает слухи и их поддерживает). Кроме того, отец Далай-ламы Соднам Даргье жаден, груб и любит выгоду (комментарий: а некоторые считают его хорошим человеком), все надеется, что его назначат регентом, а получает только серебро и вещи. Из-за этого человека в Тибете неизбежно что-то случится. Более того, он исключительно любезен с Лобсаном Дандзином, так как Дандзин собирается сделать своей младшей женой [взятую им в плен] жену Лачабу⁵, поэтому они будут связаны семейными узами, и поэтому у (Лобсана Дандзина) есть поддержка внутри Тибета [7, р. 51–52].

Связи Далай-ламы с кукунорскими князьями не ограничивались тем, что дочь Соднама Даргье стала женой Лобсана Дандзина. Его сын Чэнлэй, старший брат Далай-ламы, когда проживал вместе с ним в Кумбуме, женился на племяннице Лобсана Дандзина. Об этом Нянь Гэнъяо сообщил императору в своем донесении в апреле 1725 г. Генерал докладывал Юнчжэну, что Чэнлэй раньше был монахом, но затем снял с себя обеты, женился на дочери старшего брата Лобсана Дандзина, поддержал

³ Подробнее о восстании Лобсана Дандзина (см. [4–6]).

⁴ Китайские генералы, уполномоченные представители цинской администрации в Тибете в начале 1720-х годов.

⁵ Лачабу — (Мерген Дайчин Лачабу) тайджи из кукунорских монголов. Его жена — дочь Соднама Даргье, старшая сестра Далай-Ламы, была взята в плен Лобсаном Дандзином в начале 1723 г. [8, с. 461–463, 566–567; 2, с. 287–288].

восстание 1723–1724 гг. Однако, учтя смягчающие обстоятельства и полное раскаяние, генерал написал императору: «После того как я провел тщательное исследование, Чэнлэй кажется мне человеком не вполне похожим на конченного разбойника. Поэтому я сделал копию устных показаний Чэнлэя, изложил в донесении суть дела и нижайше прошу высочайшего решения». В ответ император написал, что находит оправдания удовлетворительными, но не считает возможным оставить Чэнлэя в Тибете [8, с. 1073–1074]. Месяц спустя императору сообщили, что Чэнлэй под охраной доставлен на родину в Литан [8, с. 1101; 9, с. 85].

Согласно еще одному недатированному донесению Нянь Гэнъяо, которое, по мнению Дэн Жуйлина, было написано не раньше второй половины 1724 г., в результате расследования был предан публичной казни бэйсэ Рабтэн, младший брат которого Дамалин Цебтэн был мужем младшей сестры Далай-ламы [9, с. 86]. Так еще одна сестра Далай-ламы оказалась связана узами родства с одним из руководителей восстания — Рабтэном Вэнбу.

На этом фоне родственные связи Соднама Даргье с представителями тибетской аристократии выглядели еще более подозрительно. В одном из донесений в «Правдивых записях» об этом говорится: «Соднам Даргье взял в жены двух дочерей Люмпанэ, поэтому эти трое (Соднам Даргье, Люмпанэ и Нгабопа. — М. С.) заодно» [2, с. 315].

Дэн Жуйлин также приводит сведения о том, что, в соответствии с письмами принца Юньти (1688–1755), который возглавлял маньчжурскую антиджунгарскую кампанию 1719–1720 гг., сопровождавший его Нгабопа был сыном старшей сестры Соднама Даргье, т. е. его племянником [9, с. 86]. По мнению другого китайского исследователя Го Шэнли, племянником и дядей они друг друга называли условно, так как происходили из родов, предки которых имели родственные связи. Тем не менее наличие этих связей ученый все же не отрицает [10].

Таким образом, принимая решение о перемещении Далай-ламы на территорию Китая, император опасался не только джунгарского вмешательства в дела Тибета, но и считал необходимым предотвратить вовлечение духовного лидера в придворные интриги, которыми занимался его отец.

Сходные мысли высказывал также и генерал-губернатор провинций Шэньси и Сычуань Юэ Чжунци (1685–1754). Рассуждал генерал так: если бы Нгабопа действительно убил Канчэннэ из подозрений, о которых он докладывал, то не было бы необходимости преследовать после этого Полханэ. Очевидно, что Нгабопа хотел перебить всех своих врагов. То, каким образом произошло убийство, свидетельствует о том, что оно было тщательно спланировано. Исходя из того, что был убит не только сам Канчэннэ, но и его родственники, причем последние — публично на площади перед Поталой, генерал делал заключение, что был человек, который руководил действиями Нгабопы. Напомнив императору о родственных связях отца Далай-ламы Соднама Даргье с Люмпанэ, Лобсан Дандзином и Нгабопой, Юэ Чжунци предположил, что за интригами должен стоять именно он. Генерал писал о том, что Соднам Даргье пользуется как своими связями, так и молодостью Далай-ламы, и в Тибете об этом известно всем, и что если на ситуацию не повлиять, демонстративно наказав виновных, то это неминуемо приведет к сговору с джунгарами, что вызовет серьезные проблемы на границах империи. Поэтому Юэ Чжунци предлагал весной 1728 г. собрать большую армию и, отправив Далай-ламу под присмотром на

«внутреннюю территорию»⁶ империи, реорганизовать систему управления в Тибете, решив этот вопрос раз и навсегда. Кроме пагубного влияния Соднама Даргье, к этому решению подталкивали также слухи о том, что Нгабопа может силой увезти Далай-ламу к джунгарам. Юэ Чжунци был не склонен полагать, что Далай-лама по доброй воле бросит родную землю, но считал необходимым предупредить возможность его отъезда, расквартировав войска в самом Тибете, а затем отрезать джунгарам возможность проникновения на территорию со всех возможных направлений, задействовав при этом и тибетские войска. Развивая идею необходимости решить, воспользовавшись случаем, как вопрос управления Тибетом, так и джунгарскую проблему, генерал писал, что даже если вспыхнувшее волнение — это всего лишь убийство одного калона другими из мести, то следует подождать, пока джунгары не захотят, учитывая слабость тибетской верхушки, ввязаться в конфликт, и тогда на них напасть. В конце донесения Юэ Чжунци также выразил опасение, что если проявить снисхождение и помиловать калонов, сославшись на незнание ими закона, но, будучи злыми от природы, они в итоге сойдутся с джунгарами и кукунорцами, а это допускать никак нельзя [11, с. 257–258].

Практически все предложения Юэ Чжунци были императором приняты. Так, Далай-лама был отстранен от участия в делах светского правления и под охраной перевезен в специально отстроенный для него по приказу императора монастырь Галдангон (кит. Хуэйюань) в местности Гартар (кит. Тайнин). Согласно биографии Полханэ, генерал Чжаланга в ноябре 1728 г. нанес визит Далай-ламе и передал ему приглашение императора Юнчжэна посетить Пекин. Генерал сообщал, что путешествие займет не больше года. Однако как европейские, так и китайские исследователи предполагают, что на самом деле визита к императору не планировалось с самого начала, и обе стороны четко это осознавали. Приглашение в Пекин было использовано в качестве аргумента, чтобы Далай-лама не смог отказаться от поездки [12, р. 152–153; 13, с. 454–455]. Стоит, однако, отметить, что встреча с императором как цель поездки во «внутренние земли» фигурировала в переписке с императором и после прибытия Далай-ламы в Литан в докладе бригадного генерала Мала [8, с. 1707].

В то же время Соднаму Даргье было предложено посетить Пекин. Очевидно, что привлечь к какой бы то ни было ответственности такую фигуру, как отец Далай-ламы, было невозможно, поэтому не удивительно, что результатом его визита стало получение им 29 июля 1729 г. титула князя шестой степени⁷. Интересно, однако, отметить, что в указе, дарующем ему этот титул, не просто перечислялись его заслуги, включавшие главным образом воспитание духовного лидера Тибета, но также было сказано, что Соднам Даргье «не вмешивался ни на йоту в тибетские дела» [2, р. 336–337].

Информация о жизни Далай-ламы в Гартаре есть в книге Л. Петеха [12, р. 158–175], поэтому мы не будем заострять на ней внимание, тем более, что она не была насыщена событиями.

К 1734 г. ситуация в Тибете стабилизировалась, а с джунгарами у империи было заключено перемирие. В то же время содержание Далай-ламы, его многочисленной свиты и охранявшего его покой двухтысячного войска требовало больших расходов,

⁶ В китайских документах под «внутренними землями» понималась территория собственно Китая, не включавшая зависимые земли, в том числе Тибет.

⁷ Кит. Фугогун.

о чем императору докладывали из Гартара. Поэтому, получив петицию от Панчен-ламы с просьбой вернуть духовного лидера буддистов в Лхасу, 18 августа 1734 г. император подписал следующий указ: «Раньше я повелел Далай-ламе переехать в Тайнин, так как в то время в Тибете случилась история с Нгабопой, и я боялся, что джунгарские разбойники воспользуются ситуацией и нападут. Поэтому повелел ему переехать поближе к границе, чтобы было удобнее его оберегать. Переехавшие с ним последователи уже давно покинули родную землю и очень хотят вернуться. Сегодня бэйлэ Полханэ действительно эффективно натренировал тибетские и олётские войска. Каждый горный проход, который необходимо охранять, уже серьезно защищен. В Тибете все спокойно и ничего не случится. Панчен-эрдэни стар и болен. Поэтому следует велеть Далай-ламе вернуться в Тибет. Пусть цинь-ван Юньли⁸ поедет в Тайнин встретиться с Далай-ламой. Джанджа-хутухте повелеваю поехать вместе с ним» [12, р.361]. Так, в Тибет была направлена исключительно представительная миссия во главе с братом императора, который в то время возглавлял Лифаньюань (Палату по делам зависимых территорий) и был прекрасным знатоком тибетского буддизма. В состав миссии также вошел Джанджа-хутухта Ролби-Дордже (1717–1786), получивший, несмотря на юный возраст, титул «государственного учителя»⁹. Состав миссии свидетельствует о том, какую важную роль играл в региональной политике Далай-лама. Также можно предположить, что, приглашая изначально духовного лидера посетить Пекин, император позаботился о своего рода компенсации за то, что не нашел возможности встретиться с Кэлсангом Гьяцо лично, отправив вместо себя своего брата.

Делегация прибыла в Тайнин 16 января 1735 г.¹⁰ Юньли пробыл там до 25 февраля 1735 г. Официальные встречи с Далай-ламой подробно описаны в дневнике принца, в биографии Кэлсанга Гьяцо, написанной участником этих событий Ролби-Дордже, а также в биографии самого Ролби-Дордже. Юньли находился в Гартаре около двух месяцев, проводя время в беседах на религиозные темы с Далай-ламой и принимая местных вождей и чиновников. На церемонии по случаю отъезда Юньли кроме принца и Далай-ламы присутствовали Джанджа-хутухта, китайские генералы и Соднам Даргье. В завершение празднования было показано музыкальное представление на исторический сюжет выдачи китайской принцессы за тибетского правителя времен династии Тан [15, цз. 2, л. 2а].

Два дня спустя Юньли со свитой отправился в обратный путь. Несмотря на то что быт и нравы тибетцев не произвели на увлеченного тибетским буддизмом Юньли положительного впечатления (тибетцы описаны как неопрятные люди, носящие тусклую некрасивую одежду, местность непригодна не только для земледелия, на ней не могут нормально расти ни деревья, ни трава), между ним и Далай-ламой установились хорошие личные отношения, о чем есть свидетельства в целом ряде источников [14, с. 203–207]. Когда Юньли вернулся в Пекин, он заказал свой конный портрет у итальянского художника и написал на нем: «Я путешествовал на юго-запад, быстро преодолев 10 000 ли. Дорога в Сычуани была спокойной. Цзоские кони мчались быстро. Священная сила дэ [императора] распространилась широко, а не-

⁸ Юньли (1697–1738) — семнадцатый сын император Канси.

⁹ Кит. Гоши.

¹⁰ Описание встречи Далай-ламы с принцем (см. [14, с. 203]).

бесный авторитет [императора] постепенно растет. [Я] еще не добился осуществления [его] помыслов, смотрю в даль беспредельных перспектив»¹¹.

Джанджа-хутухта остался в Литане, чтобы сопровождать Далай-ламу на пути в Тибет. Некоторое время он изучал тексты под руководством Кэлсанга Гьяцо, а затем, 15 марта 1735 г., они направились в Лхасу. Личные взаимоотношения, установленные между Джанджа-хутухтой и Далай-ламой, имели важнейшие исторические последствия. Джанджа-хутухта впоследствии не только защищал интересы Далай-ламы перед следующим императором Цяньлуном (правл. 1736–1795), но и повлиял на его решение в 1751 г. после мятежа сына Полханэ Гьюрмэ Намгьела о передаче светской власти Далай-ламе.

Торжественный въезд Далай-ламы в Лхасу состоялся 3 сентября 1735 г. Еще до церемонии въезда, подготовки которой пришлось ждать несколько дней, Далай-лама был встречен ликующими ламами и чиновниками, в том числе Полханэ. Состоялся пышный банкет, организованный тибетским правительством. Однако, по свидетельствам католических миссионеров, находившихся в то время на территории Тибета, за внешней пышностью скрывались серьезные ограничения: Далай-лама не должен был вмешиваться в дела светского правления, а его отцу было позволено приезжать в столицу Тибета только раз в год, и время пребывания было ограничено.

Так начался новый период в истории Тибета, когда светская и религиозная власть вновь были разделены, а внутренняя и внешняя политика, осуществляемая тибетским аристократом Полханэ, находилась под контролем представителей цинских властей.

Литература

1. Xi zang she hui li shi zang wen dang an zi liao yi wen ji [Собрание переводов материалов тибетских архивных документов по истории тибетского общества]. Пекин, 1997. 242 с.
2. Qing shi lu zang zu shi liao [Материалы из цинских «правдивых записей» по истории тибетского народа]. Т. 1–9. Lhasa, 1982. 4789 p.
3. Liu Sheng Qi. 1727–1728 nian wei zang zhan zheng qian hou qing zhong yang de zhi zang fang ce // Min zu yan jiu. Beijing, 2004 (1). P. 92–101 [Лю Шэнци, Политика управления Тибетом цинского центрального правительства до и после войны Уя и Цзана в 1727–1728 гг. // Этнические исследования. Пекин, 2004 (1). С. 92–101].
4. Kato Naoto. Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion // Acta Asiatica. N 64. Tokyo, 1993. P. 57–80.
5. Shu-hui Wu. Die Eroberung von Qinghai unter Beruecksichtigung von Tibet und Khams 1717–1727. Anhand der Throneingaben des Grossfeldherrn Nian Gengyao. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 S.
6. Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 1. С. 58–67.
7. Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Keng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Republic of China, Shih-lin, Taipei, 1971. 399 p.
8. Yong zheng chao man wen zhu pi zou zhe quan yi [Перевод тайных донесений с маньчжурского языка с резолюциями императора Юнчжэна]. Т. 1–2. Хуаншань, 1998. 2661 с.
9. Deng Rui Ling. Yong zheng chao chu qi zhi zang zheng ce yun yu guo cheng zhong de zuo yong // Zhong guo zang xue. Beijing, 2002 (2). P. 78–89. [Дэн Жуйлин. Процесс становления тибетской политики в начале правления императора Юнчжэна // Китайская тибетология. Пекин, 2002 (2). С. 78–89].
10. Guo Sheng Li. You guan Kang Yong A er bu ba yi ze shi liao zhi kao zheng // Qing shi yan jiu. Beijing, 2010 (4). P. 95–101 [Го Шэнли. Исследование исторических материалов о Нгабопе времен правления Канси и Юнчжэна // Исследования по истории династии Цин. Пекин, 2010 (4). С. 95–102].

¹¹ Сегодня портрет с подписью хранится в музее Императорского дворца в Пекине.

11. Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian [Собрание тайных донесений на китайском языке с резолюциями императора Юнчжэна]. Т. 32. Пекин, 1989. 961 с.
12. Petech L. China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1972. 309 p.
13. Yuan yi lai Xi zang di fang yu zhong yang zheng fu guan xi yan jiu / Duoji Caidan, Deng Rui Ling, Chen Qing Ying, Zhang Yun, Zhu Qi Yuan. Beijing, 2005. 1331 p. [Дордже Цетен, Дэн Жуйлин, Чэн Цинъюин, Чжан Юн, Чжу Циюань. Исследование отношений китайского правительства с Тибетом начиная с династии Юань. Пекин, 2005. 1331 с.]
14. Успенский В. Л. Тибетский Буддизм в Пекине. СПб., 2012. 368 с.
15. Yunli Xi zang ri ji [Юньли, Тибетский дневник]. Пекин, 1937. Цз. 1–2.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Солощева Мария Алексеевна — аспирант, ассистент; mary1685@mail.ru

Soloshcheva Mariya A. — Post-graduate student, Assistant Professor; mary1685@mail.ru